

В. Д. Туктамышев
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

КОМПЕТЕНЦИЯ АРБИТРАЖА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В статье анализируются подходы к трактовке понятия «компетенция арбитража», исследуются условия возникновения компетенции и состав юридических фактов, необходимых для признания арбитража компетентным для рассмотрения спора. Актуальность темы обусловлена тем, что многие вопросы компетенции арбитража остаются в настоящее время не до конца осмысленными, что порождает практические трудности при экзекватуре решений.

Автор приходит к выводу о том, что компетенцию арбитража следует понимать как совокупность предметов ведения и полномочий третейского суда. Установлено, что арбитражное соглашение и арбитрабельность выступают в качестве условий возникновения у арбитража компетенции, а также юридических фактов, образующих компетенцию арбитража. Исследуется соотношение условий возникновения компетенции и допустимости обращения в арбитраж, делается вывод о том, что вопрос проверки соблюдения досудебного порядка не относится к вопросам компетенции, за исключением случая избрания сторонами гибридной процедуры разрешения спора. Также определено содержание фактического состава, необходимого для возникновения у арбитража компетенции. В него включаются такие элементы, как арбитрабельность, наличие арбитражного соглашения, формирование состава арбитрагов.

Ключевые слова: арбитраж, арбитрабельность, компетенция, допустимость заявления, медиация-арбитраж

Для цитирования

Туктамышев В. Д. Компетенция арбитража: общая характеристика // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 42–52. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_42.

УДК 347.918

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_42

Вопросы компетенции являются основополагающими, когда речь заходит о характеристике органа, уполномоченного разрешать споры. Определение того, компетентен ли орган рассматривать то или иное дело, первично по отношению к самому процессу. Решение вопроса о компетенции преследует не только теоретические цели – построение стройной и логически непротиворечивой модели, – но и практические, поскольку от правильного, научно обоснованного установления входящих в ее содержание вопросов зависит объем полномочий судов при экзекватуре решений арбитража.

В настоящей статье компетенция будет исследована с позиции смешанной теории арбитража, более полно объясняющей вопро-

сы, возникающие в деятельности третейских судов.

Понятие компетенции арбитража, соотношение со смежными категориями

Как в процессуальной доктрине, так и в ряде иных отраслевых наук сформировались различные подходы к пониманию компетенции. Некоторые исследователи характеризуют компетенцию как совокупность прав и обязанностей (полномочий) органа [Васьковский 2016: 445; Мицкевич 1962: 120; Алексеев 1994: 41; Абова, Тадевосян 1968: 22; Осипов 1973: 11]. Иные ученые в понятие компетенции включают не только права и обязанности, но и предметы ведения [Малько, Нырков, Шундииков 2022: 408; Гурвич 1957: 109; Кутафин, Шеремет 1986: 31; Бахрах 2005: 46].

Более широкого подхода придерживается Ю. А. Тихомиров, который наряду с предметами ведения включает в содержание компетенции нормативно установленные цели, властные полномочия и ответственность за их неисполнение [Тихомиров 2006: 188]. Следует согласиться с Н. Е. Бараданченковой в том, что добавление целей и задач в содержание компетенции является излишним [Бараданченкова 2014].

Между тем нельзя согласиться с авторами [Козлов 1979: 99], исключаящими предметы ведения из содержания исследуемого понятия, поскольку через права и обязанности мы лишь устанавливаем связь между субъектами реализации полномочий и субъектами воздействия данных полномочий, однако не детерминируем круг объектов, в отношении которых они реализуются. Это выхолещивает содержание термина «компетенция» и приводит к его отождествлению с термином «полномочие».

Понятие компетенции арбитража производно от общего понятия компетенции. Сообразно этому компетенцию арбитража можно определить как совокупность предметов ведения и полномочий третейского суда, направленных на рассмотрение конкретного дела. Возникает вопрос о соотношении данной правовой категории со смежными правовыми категориями «юрисдикция»¹, «подведомственность» и «арбитрабельность».

Термин «юрисдикция» является транслитерацией термина *jurisdiction*. Переводческий анализ не дает однозначного представления о содержании этого понятия, поскольку на русский язык оно переводится как «подведомственность», «судопроизводство», «отправление правосудия», «сфера полномочий», «предмет ведения», «компетенция», «подсудность»² и т. д. Однако указанные категории существенно различаются в понятийном аппарате юридической науки, в связи с чем отождествлять их все было бы некорректно.

Согласно словарям юрисдикция есть правомочие производить суд, решать право-

вые вопросы³; установленная законом совокупность правомочий соответствующих государственных органов разрешать правовые споры и дела о правонарушениях, оценивать действия лица или иного субъекта права с точки зрения их правомерности либо неправомерности, применять юридические санкции к правонарушителям; отправление правосудия, а также иная деятельность государственных органов по рассмотрению споров, дел о правонарушениях и применению санкций⁴. Англоязычные словари под юрисдикцией понимают полномочие решать вопросы и выносить судебные решения⁵.

Исходя из этого по смыслу категория «юрисдикция» ближе к категории «компетенция». Однако их отождествление, на наш взгляд, неверно. Компетенция подразумевает не только полномочия по разрешению того или иного спора, находящиеся в генетическом единстве с предметами ведения, но и различного рода организационные и функциональные полномочия. Юрисдикция же сосредоточивает в себе лишь полномочия на разрешение дел, в связи с чем целесообразно говорить о том, что данное понятие уже понятия компетенции и характеризует лишь предметные полномочия юрисдикционного органа.

Практика использования данных категорий приводит к тому же выводу. Так, ст. 30 Закона Англии об арбитраже 1996 г., закрепляющая принцип *Kompetenz-Kompetenz*, называется *Competence of Tribunal to Rule on its Own Jurisdiction* («Компетенция⁶ трибунала выносить решение по вопросу своей юрисдикции»). Можно заключить, что компетенция обозначает генеральный объем полномочий органа по разрешению споров, в то время как

³ Толковый словарь Ожегова // URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 10.10.2022).

⁴ Большой юридический словарь // URL: <https://juridical.slovaronline.com/6730-YURISDIKTSIYA> (дата обращения: 12.11.2021).

⁵ Онлайн-словарь Cambridge Dictionary // URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/jurisdiction> (дата обращения: 12.11.2021); Legal Information Institute // URL: <https://www.law.cornell.edu/wex/jurisdiction> (дата обращения: 12.11.2021); Онлайн-словарь Britannica Dictionary // URL: <https://www.britannica.com/topic/jurisdiction> (дата обращения: 12.11.2021).

⁶ В данном случае переводить слово *competence* как «полномочие» несколько неверно, поскольку Закон также использует категорию *powers* (ст. 38), которую можно перевести как «полномочия».

¹ Полагаю, что несмотря на наличие частноправовых начал в деятельности третейских судов, эта деятельность является юрисдикционной. На это указывал также В. П. Воложанин [Воложанин 1975: 11].

² Онлайн-словарь «Мультитран» // URL: <https://www.multitrans.com/m.exe?s=jurisdiction&l1=1&l2=2> (дата обращения: 12.11.2021).

юрисдикция – связь лишь с разрешением возникшего спора.

В доктрине взгляды на понятие «юрисдикция» и ее соотношение со смежными категориями неоднозначны [Ануров 2019: 208; Ануров 2020: 45; Жилин 2014: 393; Лебедев 2005: 15; Alcaraz, Hughes 2014: 157].

Представляется, что юрисдикция как правовая категория максимально приближена к понятию предметной компетенции (компетенции в узком смысле) и подобно ей характеризует полномочия арбитража по разрешению спора, однако не тождественна ей.

Арбитрабельность следует понимать как круг дел, которые обладают свойствами, позволяющими отнести их к компетенции арбитража

Наличие у конкретного государственного суда компетенции по разрешению переданного ему на рассмотрение юридического дела определяется исходя из свойств подведомственности и подсудности этого дела [Рожкова 2006: 17]. Сообразно этому для характеристики компетенции арбитража необходимо выяснить, какие дела подведомственны данному юрисдикционному органу (арбитрабельны). Базовое понятие при определении широты компетенции третейских судов – «арбитрабельность» [Сабуров 2020: 6].

Арбитрабельность следует понимать как круг дел, которые обладают свойствами, позволяющими отнести их к компетенции арбитража¹. В этом смысле «арбитрабельность» является более узким понятием, чем «подведомственность».

В литературе распространено мнение о том, что арбитрабельность – это составная часть института подведомственности [Скворцов 2004: 382; Николукин 2007: 15; Агаларова 2020: 42]. В качестве синонимов использует категории арбитрабельности и подведомственности В. В. Хвалей [Научно-практический постатейный комментарий 2017]. Ряд авторов

¹ Как писал Ю. К. Осипов, «свойство – проявление определенного качества предмета (явления). Качества же (а значит, и свойства) не существуют отдельно от предметов и явлений... Поэтому принято говорить о подведомственности как не о свойстве дел, а о круге дел, обладающих названным свойством» [Осипов 1974].

занимают противоположную позицию [Архипова, Абросимова 2021: 197; Дубровина 2001: 78–79; Еремин 2019: 101; Севастьянов 2009: 94].

Представляется, однако, что «арбитрабельность» служит видовой категорией по отношению к категории «подведомственность». Ю. К. Осипов указывал, что «подведомственность выступает в качестве межотраслевого института права, который реализует функции распределительного механизма юридических дел между различными юрисдикционными органами» [Осипов 1973: 83]. Поскольку третейские суды относятся к юрисдикционным органам, отрицать использование механизма подведомственности для установления объема их компетенции было бы неверным.

Рассматривая соотношение арбитрабельности и юрисдикции, следует отметить, что оно является парадигматическим, поскольку арбитраж лишь одна из форм юрисдикции. В этом смысле категория «юрисдикция» отвечает на вопрос о том, кто что решает, а арбитрабельность – на вопрос об отнесении конкретного спора к тем, которые входят в сферу арбитража [Freimane 2012].

Условия возникновения компетенции у арбитража (третейского суда)

В качестве условий возникновения компетенции у арбитража авторы, как правило, указывают лишь наличие арбитражного соглашения [Алешукина 2017; Бутова, Лебедева 2016; Зыков 2014: 105]. Однако есть и авторы, которые рассматривают арбитрабельность в качестве общего условия для признания наличия у состава третейского суда компетенции по рассмотрению спора [Курочкин 2015: 35]. Следует признать, что одно лишь арбитражное соглашение возникновения компетенции у арбитража не влечет, равно как и наличие только арбитрабельности таковой не порождает. Соответственно, оба этих элемента должны считаться условиями возникновения компетенции состава арбитров².

² Представляется, что проверка юрисдикционных вопросов (арбитрабельность и наличие соглашения) должна осуществляться в целях обеспечения дальнейшей исполнимости арбитражного решения. Так, МКАС при ТПП РФ в одном из дел в отсутствие возражений сторон *ex officio* проверил свою компетенцию и прекратил производство по делу (Постановление МКАС при ТПП РФ о прекращении арбитражного разбирательства от 8 апреля 2009 г. по делу № 90/2008).

Арбитражное соглашение, для того чтобы обусловить возникновение компетенции, должно быть заключенным, действительным и исполнимым. Арбитражное соглашение выполняет двойную роль в регулировании вопросов компетенции арбитража, выступая одновременно источником ее возникновения и условием ее существования. В качестве условия данное соглашение порождает основания для обращения в арбитраж, а в качестве источника – определяет объем компетенции состава арбитров.

Арбитрабельность же как механизм определения объема компетенции третейского суда является требованием для действительности (по существу) арбитражного соглашения и в то же время условием для признания юрисдикции арбитража [Berger 2015: 62]. Под арбитрабельностью следует понимать относимость нуждающихся в разрешении споров о праве к ведению третейских судов.

Если признание арбитражного соглашения и арбитрабельности спора в качестве условий арбитража выглядит бесспорным, то соблюдение тех или иных досудебных процедур, предусмотренных соглашением между сторонами, вызывает вопрос об отнесении этих процедур к функциональной компетенции либо предметной компетенции (юрисдикции) арбитража. Казалось бы, неважно, к чему мы отнесем эти вопросы, если решение о принятии заявления к рассмотрению в силу принципа *Kompetenz-Kompetenz* будет за трибуналом. Видимо, такой логики придерживался и трибунал Международного центра по урегулированию инвестиционных споров в деле *Methanex v. United States of America*¹. Однако у этого решения есть отдаленные, но вполне реальные практические последствия, в свете которых имеет теоретическое и практическое значение разграничение вопросов о компетенции (*competence*) и допустимости принятия заявления к рассмотрению в третейском суде (*admissibility*).

Вопрос о необходимости разграничения данных категорий был поднят в научной литературе в начале 2000-х гг. Ян Полссон писал, что ошибочная классификация вопросов допустимости как юрисдикционных может привести к неоправданному расширению возможностей для оспаривания арбитражных решений [Paulsson 2005: 601].

¹ *Methanex v. United States of America, Partial Award, 7 August 2002, footnote 8.*

Аналогичные подходы можно встретить и в иных работах [Obamuroh 2020; Рачков 2018]. С этим выводом сложно не согласиться.

Обращаясь к международным договорам, регулирующим вопросы арбитража, следует отметить тенденцию к сокращению влияния государственных судов на арбитраж, особенно в части отмены либо отказа в приведении в исполнение решения третейского суда. Статья V Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.), в частности, не предусматривает никаких оснований для непризнания решения арбитража, таких как несоблюдение досудебного порядка или иное основание, затрагивающее разрешение вопроса о допустимости принятия заявления к рассмотрению составом арбитров. Нет подобного основания и в российском процессуальном законодательстве.

Между тем отнесение вопроса допустимости к юрисдикционным вопросам может повлечь за собой возможность отмены акта третейского суда об установлении компетенции по рассмотрению того или иного спора. Определяя допустимость принятия заявления к рассмотрению в качестве условий возникновения компетенции, мы необоснованно расширяем пределы компетенции государственного суда в отношении контроля за арбитражем, что не может отвечать правовой природе третейского разбирательства.

Определяя полномочия на рассмотрение спора, арбитраж реализует свою предметную компетенцию, и в этой части государственный суд не может быть ограничен в возможностях контроля за третейским разбирательством. Между тем наряду с предметной компетенцией состав арбитров при решении вопроса об инициировании разбирательства реализует функциональную компетенцию, опосредующую совершение тех или иных действий, способствующих реализации предметных полномочий. Допускать вторжение государственных судов в осуществление полномочий данной группы было бы неверно, поскольку в этом случае арбитраж лишился бы самостоятельности и становился полностью зависимым от государственной судебной системы².

² Еще в Уставе гражданского судопроизводства губерний Царства Польского 1864 г. указывалось, что не может служить поводом к пересмотру решения третейского суда несоблюдение общих формальностей судопроизводства (параграф 1027).

Проверка третейским судом досудебного порядка разрешения спора, на первый взгляд, очевидно относится к вопросам допустимости принятия заявления к рассмотрению в арбитраже, а не к вопросам юрисдикции. В отношении классических процедур (переговоры, медиация и т. д.) с этим сложно спорить. Иная ситуация возникает, когда стороны предусмотрели в соглашении гибридную (смешанную) процедуру урегулирования спора, например «медиацию-арбитраж» (MED-ARB). Гибридные процедуры представляют собой не два самостоятельных порядка урегулирования спора (как это имеет место при переговорах и арбитраже), а единый негосударственный механизм разрешения спора. Отличается и состав юридических фактов в гибридных процедурах и обычных способах досудебного урегулирования спора. В этом случае мы не можем отделять вопросы о соблюдении доарбитражной процедуры от вопроса компетенции, что приводит к необходимости заключить, что в такой ситуации они являются вопросами компетенции.

Проверку же соблюдения простых доарбитражных процедур следует относить к вопросу допустимости.

Компетенция арбитража как фактический состав

Наличие нескольких элементов, находящихся в различных связях, детерминирует необходимость построения системы, в которой все представленные элементы функционировали бы как единое целое.

В практике арбитражей мы зачастую сталкиваемся с односторонним подходом, согласно которому наличие у арбитража компетенции поставлено в зависимость исключительно от заключения арбитражного соглашения. Данный подход встречается и в доктрине [Сидорова, Зданович 2021: 143]. Применение исключительно института подведомственности, а именно арбитрабельности, для определения компетенции арбитража также не решает проблему. При установлении юридических фактов, входящих в состав компетенции арбитража, следует учесть все ее элементы как единый механизм, не выделяя как не связанные друг с другом вопросы компетенции как подведомственности, вопросы арбитражного соглашения и т. д.

Компетенция третейского суда, как и компетенция государственных судов, включает

в себя рассмотрение не только вопросов, непосредственно затрагивающих существо спорного правоотношения, но и вопросов, связанных с реализацией функций арбитража, способствующих рассмотрению спора. Это предопределяет необходимость выделения таких видов компетенции, как предметная, заключающаяся в разрешении конкретного спора, и функциональная, затрагивающая сопутствующие предметной компетенции аспекты и направленная на обеспечение движения процесса.

При этом содержание функциональной компетенции составляют полномочия на принятие искового заявления к рассмотрению, истребование от ответчика отзыва на исковое заявление, полномочия на проведение разбирательства дела в заседании третейского суда, полномочия на принятие обеспечительных мер, на вынесение решения и т. д., а полномочия международных коммерческих арбитражей на осуществление своих функций в отношении определенного в законе круга объектов составляют их предметную компетенцию [Курочкин 2018]. Функциональная компетенция в этом случае полностью производна от предметной, поскольку лишь способствует ее реализации. В то же время несоблюдение тех или иных процессуальных гарантий либо договоренностей сторон относительно процедуры в ходе реализации функциональных полномочий способно привести к отмене решения арбитража.

Арбитраж является смешанным правовым образованием, что предопределяет необходимость учета различных факторов при установлении компетенции состава арбитров по рассмотрению спора. Так, если государственный суд при установлении своей компетенции зачастую ограничивается обращением к законодательным нормам, то арбитраж вынужден учитывать не только правовые нормы, но и совокупность иных юридических фактов. Компетенция арбитража характеризуется тем, что, во-первых, арбитры вправе принимать к рассмотрению только арбитрабельные споры и, во-вторых, при рассмотрении таких споров арбитраж не вправе выходить за пределы полномочий, предоставленных арбитражным соглашением [Зыков 2014: 113].

Анализ правоприменительной практики арбитражей показывает, что состав арбитров при решении вопроса о своей компетенции рассматривает различные группы вопросов:

от арбитрабельности споров до вопросов формирования состава арбитров¹. Между тем бессистемное применение данных категорий размывает пределы понятия компетенции и пределы проверки составом арбитров этих вопросов. Представляется необходимым подвергать проверке лишь обстоятельства, относящиеся к предметной компетенции, поскольку исследование на этапе установления компетенции элементов функциональной компетенции приведет к необоснованному расширению первичной стадии процесса рассмотрения дела в арбитраже.

Наиболее наглядно процесс решения вопроса о предметной компетенции арбитража был проиллюстрирован И. Г. Ренцем в решении Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража от 27 июня 2019 г. В нем единоличный арбитр указал, что «компетенция состава арбитража по разрешению спора между сторонами основана:

на действующем арбитражном соглашении, по которому его стороны договорились передавать любой спор, разногласие или претензию из договора поставки или в связи с ним на разрешение путем арбитража, администрируемого Российским арбитражным центром при автономной некоммерческой организации „Российский институт современного арбитража“ в соответствии с положениями Арбитражного регламента;

на норме ч. 3 ст. 1 Федерального закона № 382-ФЗ от 29.12.2015 „Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ“, в соответствии с которой в арбитраж (третейское разбирательство) по соглашению сторон могут передаваться споры между сторонами гражданско-правовых отношений, если иное не предусмотрено федеральным законом;

на положениях ч. 1 ст. 33 АПК РФ, согласно которым споры между сторонами гражданско-правовых отношений, подведомственные арбитражным судам в соответствии с настоящим Кодексом, могут быть переданы на рассмотрение третейского суда при наличии

между сторонами спора действующего арбитражного соглашения. При этом данный спор не относится к числу тех, которые не могут быть переданы на рассмотрение третейского суда в силу ч. 2 ст. 33 АПК РФ;

на положениях п. 2 ст. 14 Арбитражного регламента, по которому если стороны арбитража не согласовали кандидатуру единоличного арбитра или порядок его выбора в арбитражном соглашении, то единоличный арбитр назначается Президиумом не позднее 30 (тридцати) дней с даты получения РАЦ Уведомления или Иска».

Можно говорить о том, что установление компетенции арбитража представляет собой сложный фактический состав, все элементы которого должны наличествовать для признания арбитража компетентным рассмотреть конкретный спор.

Отдельные авторы, раскрывая содержание компетенции арбитража, разграничивают ее на объективную и субъективную. Так, Р. О. Зыков отмечает, что «объективная компетенция арбитража определяет, может ли спор в принципе быть предметом арбитражного разбирательства», а «субъективная заключается в наличии и объеме полномочий состава арбитража в отношении конкретного спора, переданного на его рассмотрение». При этом автор указывает, что субъективная компетенция включает в себя четыре элемента:

компетенцию в отношении предмета спора (объекта спора);

компетенцию в отношении сторон арбитражного соглашения (субъектов спора);

компетенцию в отношении организации арбитражного процесса;

компетенцию в отношении определения средств защиты поправленных прав сторон спора [Зыков 2014: 112].

Бесспорно то, что отдельные элементы фактического состава компетенции арбитража задаются императивно волей законодателя и не могут быть трансформированы соглашением сторон. Одним из таких элементов выступает арбитрабельность как водораздел между частным и государственным правосудием, охватывающий все аспекты, связанные с непосредственным дозволением государства на рассмотрение споров в арбитраже.

Следующим элементом, необходимым для возникновения компетенции арбитража и обладающим диспозитивными характеристика-

¹ См., например: решения Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража от 6 августа 2021 г.; от 21 июля 2021 г.; от 12 июля 2021 г.; от 23 июня 2021 г.; от 16 июня 2021 г.; от 29 апреля 2021 г.; от 13 апреля 2021 г.; от 2 февраля 2021 г.; от 13 января 2021 г.; от 29 декабря 2020 г.; от 29 сентября 2020 г.; от 17 апреля 2021 г.; от 6 декабря 2019 г.

ми, является соглашение сторон третейского разбирательства. Представляется, что это соглашение должно определять объем полномочий арбитров на разрешение того или иного спора¹, а также вопросы действия компетенции в отношении субъектов спора. Следует заметить, что если лицо, привлеченное к участию в разбирательстве дела в арбитраже, не связано арбитражным соглашением, то не имеется оснований для рассмотрения дела с его участием².

Необходимо дополнить данную группу и таким элементом, как установление порядка формирования состава арбитров для рассмотрения конкретного спора. Предметная компетенция не может быть реализована, если отсутствует лицо, ее реализующее. Состав арбитров наделяется полномочиями в процессе его формирования в соответствии с правилами, избранными волей сторон. Лишь с момента формирования состава арбитража юридический состав предметной компетенции может считаться сформированным и рассмотрение возникшего спора может быть начато.

В качестве факультативного элемента фактического состава компетенции арбитража следует рассматривать наличие судебного акта государственного суда. В Российской Федерации такая роль для судебных актов нехарактерна³, однако подобные примеры встре-

чаются в зарубежной практике. Так, Закон Никарагуа о медиации и арбитраже предусматривает возможность стороны обратиться в суд для разрешения вопроса о компетенции арбитража⁴. Между тем данный подход не может быть признан отвечающим принципу *Kompetenz-Kompetenz*, предоставляющему арбитражу полномочие самостоятельно решать вопросы о наличии либо отсутствии компетенции по рассмотрению спора, переданного в третейскую институцию. Помимо этого, как указал Верховный суд Канады в деле *Creston Moly Corp. v. Sattva Capital Corp.*, «согласно канадскому законодательству вопросы о том, кто определяет возможность арбитража... являются нюансами, которые могут быть определены только в каждом конкретном случае». Несмотря на это, роль данного юридического факта в фактическом составе компетенции применительно к отдельным юрисдикциям сложно отрицать.

Проведенное исследование показывает, какие сложности возникают в связи с решением вопроса о компетенции третейского суда. Далеко не все из них можно разрешить в рамках небольшого исследования. В частности, вопросы функциональной компетенции, обеспечивающей движение процесса при рассмотрении спора в арбитраже, требуют, безусловно, самостоятельного детального изучения. Между тем настоящая работа может послужить «каркасом» для встраивания новых идей, что будет способствовать формированию единого учения о компетенции третейских судов.

Arbitration in Colombia), Панаме (Law № 131, Panamanian Arbitration Law), Уругвае (Uruguayan International Commercial Arbitration Law № 19,636).

⁴ Law № 540, Mediation and Arbitration, the Republic of Nicaragua (24 June 2005), Article 42.

Список литературы

- Alcaraz E., Hughes B.* Legal Translation Explained. London: Routledge, 2012. 216 p.
- Berger B.* International and Domestic Arbitration in Switzerland. 3rd ed. Berne: Stämpfli, 2015. 829 p.
- Freimane N.* Arbitrability: Problematic Issues of the Legal Term. Riga: Riga Graduate School of Law, 2012. 68 p.
- Obamuroh T.* Jurisdiction and Admissibility: a Case Study // Arbitration International. 2020. Vol. 36. № 3. P. 373–413.
- Paulsson J.* Jurisdiction and Admissibility // Global Reflections on International Law, Commerce and Dispute Resolution. 2005. № 693. P. 601–617.
- Абова Т. Е., Тадевосян В. С.* Разрешение хозяйственных споров. М.: Юрид. лит., 1968. 176 с.

- Агаларова М. А. Новеллы ГПК РФ и АПК РФ относительно отказа от подведомственности // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 3. С. 40–45.
- Алексеев С. С. Государство и право (начальный курс). М.: Юрид. лит., 1994. 192 с.
- Алешукина С. А. Прямые соглашения – новелла законодательства об арбитраже (третейском разбирательстве) // Вестник ТвГУ. Сер. Право. 2017. № 2. С. 31–35.
- Ануров В. Н. Компетенция третейского суда: допустимость иска. М.: Проспект, 2020. 272 с.
- Ануров В. Н. Международный инвестиционный арбитраж: вопросы компетенции: учеб. пособие для магистров. М.: Проспект, 2019. 208 с.
- Архипова А. А., Абросимова Е. А. Арбитрабельность морских споров с публично-правовым элементом // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 196–205.
- Бараданченкова Н. Е. Анализ взглядов на понятие «компетенция» в науке российского гражданского процесса // Российский юридический журнал. 2014. № 3. С. 168–173.
- Бахрах Д. Н. Подведомственность юридических дел и ее уровни // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 46–60.
- Бурова И. Л., Лебедева Н. Н. Арбитражное соглашение как условие относимости экономического спора к компетенции третейского суда // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 4. С. 170–175.
- Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 624 с.
- Воложанин В. П. Основные проблемы защиты гражданских прав в несудебном порядке: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск: Свердлов. юрид. ин-т, 1975. 34 с.
- Гурвич М. А. Подведомственность и подсудность // Советское гражданское процессуальное право / под ред. М. А. Гурвича. М., 1957. С. 109–133.
- Дубровина М. А. Подведомственность споров третейскому суду // Вестник Московского университета. Сер. Право. 2001. № 2. С. 78–80.
- Еремин В. В. Подходы к определению арбитрабельности: соотношение арбитрабельности, подведомственности и компетенции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 95–107.
- Жилин Г. А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М.: Статут, 2014. 576 с.
- Зыков Р. О. Международный арбитраж в Швеции: право и практика. М.: Статут, 2014. 285 с.
- Козлов А. Ф. Предметные полномочия суда первой инстанции // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство / под ред. П. Ф. Елисейкина. Ярославль, 1979. С. 98–100.
- Курочкин С. А. Арбитрабельность и подведомственность: вопросы теории // Третейский суд. 2015. № 1. С. 32–44.
- Курочкин С. А. Компетенция международного коммерческого арбитража // Международный коммерческий арбитраж: учеб. / науч. ред. О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г. В. Севастьянов; отв. ред. Т. А. Лунаева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018.
- Кутафин О. Е., Шеремет К. Ф. Компетенция местных советов. М.: Юрид. лит., 1986. 224 с.
- Лебедев М. Ю. Развитие института юрисдикции и его проявление в третейском суде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратов. юрид. акад., 2005. 218 с.
- Малько А. В., Нырков В. В., Шундилов К. В. Теория государства и права: учебник для среднего профессионального образования. М.: Норма, 2022. 432 с.
- Мицкевич А. В. Субъекты советского права. М.: Госюриздат, 1962. 213 с.
- Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / под общ. ред. В. В. Хвалея. М.: РАА, 2017. 935 с.
- Николюкин С. В. Арбитражные соглашения и компетенция международного коммерческого арбитража: некоторые проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Москов. акад. экономики и права, 2007. 27 с.
- Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел. Свердловск: Свердлов. юрид. ин-т, 1973. 124 с.
- Осипов Ю. К. Правовые нормы, регулирующие подведомственность юридических дел, в системе советского законодательства // Правоведение. 1974. № 5. С. 28–34.

Рачков И. В. Решения международных инвестиционных арбитражей о компетенции (юрисдикции) и приемлемости исков: обзор наиболее примечательных дел за 2016 год // Международное правосудие. 2018. № 3. С. 93–100.

Рожкова М. А. К вопросу о содержании понятий «компетентный суд» и «подведомственность дела» // Журнал российского права. 2006. № 1. С. 19–29.

Сабуров Е. А. Третейское разбирательство как способ разрешения правового конфликта // Юридическая наука. 2020. № 2. С. 3–9.

Севастьянов Г. В. Правовая природа арбитража и компетенция третейского суда в сфере недвижимости: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Ин-т гос-ва и права РАН, 2009. 240 с.

Сидорова Т. Ю., Зданович Д. В. Компетенция международных арбитражных учреждений: вопросы соотношения международного и национального права // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4. С. 142–147.

Скворцов О. Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: Проблемы, тенденции, перспективы: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т, 2004. 775 с.

Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс: полный курс. 2-е изд. М.: Изд-во К. И. Тихомирова, 2006. 697 с.

Владислав Дмитриевич Туктамышев – ассистент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: tuktamyshev.vd@bk.ru.
ORCID: 0000-0001-8502-7584

Arbitration Competence: General Characteristics

The article analyzes the approaches to the interpretation of the concept of arbitration competence, examines the conditions of its emergence and the composition of legal facts necessary for the recognition of arbitration competence to consider a dispute. Relevance of the topic is due to the fact that many issues of arbitration competence remain incompletely comprehended, which gives rise to practical difficulties in the exequatur of decisions.

The author concludes that the competence of arbitration should be understood as a set of powers of the arbitral tribunal. It is established that the arbitration agreement and arbitrability act as conditions of arbitration competence, as well as legal facts forming the competence of arbitration. The issue of correlation of the conditions of competence and admissibility of the application to arbitration is investigated, and the conclusion is made that the issue of checking compliance with the pre-trial procedure is not a matter of competence, except for the case when the parties chose a hybrid procedure for dispute resolution. It also establishes the content of the actual composition necessary for the emergence of arbitration competence, which includes such elements as arbitrability, the existence of an arbitration agreement, and the formation of the composition of arbitrators.

Keywords: arbitration, arbitrability, competence, admissibility, mediation-arbitration

Recommended citation

Tuktamyshev V. D. Kompetentsiya arbitrazha: obshchaya kharakteristika [Arbitration Competence: General Characteristics], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 6, pp. 42–52, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_42.

References

Abova T. E., Tadevosyan V. S. *Razreshenie khozyaistvennykh sporov* [Settlement of Economic Disputes], Moscow, Yurid. lit., 1968, 176 p.

Agalarova M. A. *Novelly GPK RF i APK RF otnositel'no otkaza ot podvedomstvennosti* [Novelties of CPC RF and APC RF Regarding the Refusal of Jurisdiction], *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta*, 2020, no. 3, pp. 40–45.

Alcaraz E., Hughes B. *Legal Translation Explained*, London, Routledge, 2012, 216 p.

Alekseev S. S. *Gosudarstvo i pravo (nachal'nyi kurs)* [State and Law: Initial Course], Moscow, Yurid. lit., 1994, 192 p.

Aleshukina S. A. Pryamye soglashiya – novella zakonodatel'stva ob arbitrazhe (treteiskom razbiratel'stve) [Direct Agreements as a New of Arbitration Legislation], *Vestnik TvGU. Ser. Pravo*, 2017, no. 2, pp. 31–35.

Anurov V. N. *Kompetentsiya treteiskogo suda: dopustimost' iska* [Arbitration Competence: Admissibility of a Claim], Moscow, Prospekt, 2020, 272 p.

Anurov V. N. *Mezhdunarodnyi investitsionnyi arbitrazh: voprosy kompetentsii* [International Investment Arbitration: Competence], Moscow, Prospekt, 2019, 208 p.

Arkhipova A. A., Abrosimova E. A. Arbitrabel'nost' morskikh sporov s publichno-pravovym elementom [Arbitrability of Maritime Disputes with Public Elements], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 463, pp. 196–205.

Baranchenkova N. E. Analiz vzglyadov na ponyatie «kompetentsiya» v nauke rossiiskogo grazhdanskogo protsessa [Analysis of Views on Concept of Competence in Russian Civil Procedure Doctrine], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2014, no. 3, pp. 168–173.

Bakhrakh D. N. Podvedomstvennost' yuridicheskikh del i ee urovni [Jurisdiction of Judicial Cases and its Levels], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2005, no. 4, pp. 46–60.

Berger B. *International and Domestic Arbitration in Switzerland*, Berne, Stämpfli, 2015, 829 p.

Burova I. L., Lebedeva N. N. Arbitrazhnoe soglasenie kak uslovie otosimosti ekonomicheskogo spora k kompetentsii treteiskogo suda [Arbitration Agreement as a Condition of Arbitration Competence on Economic Disputes], *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki*, 2016, no. 4, pp. 170–175.

Dubrovina M. A. Podvedomstvennost' sporov treteiskomu sudu [Jurisdiction of Arbitration], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. Pravo*, 2001, no. 2, pp. 78–80.

Eremin V. V. Podkhody k opredeleniyu arbitrabel'nosti: sootnoshenie arbitrabel'nosti, podvedomstvennosti i kompetentsii [Approaches to the Definition of Arbitrability: Correlation of Arbitrability, Jurisdiction and Competence], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2019, no. 8, pp. 95–107.

Freimane N. *Arbitrability: Problematic Issues of the Legal Term*, Riga, Riga Graduate School of Law, 2012, 68 p.

Gurvich M. A. *Podvedomstvennost' i podsudnost'* [Jurisdiction], Gurvich M. A. (ed.) *Sovetskoe grazhdanskoe protsessual'noe pravo* [Soviet Civil Procedure Law], Moscow, 1957, pp. 109–133.

Khvaley V. V. (ed.) *Nauchno-prakticheskii postateinyi kommentarii k zakonodatel'stvu o treteiskikh sudakh* [Scientific and Practical Article-by-Article Commentary on Arbitration Legislation], Moscow, RAA, 2017, 935 p.

Kozlov A. F. *Predmetnye polnomochiya suda pervoi instantsii* [Substantive Powers of the First Instance Courts], Eliseikin P. F. (ed.) *Problema zashchity sub"ektivnykh prav i sovetskoe grazhdanskoe sudoproizvodstvo* [The Problem of Protection of Subjective Rights and Soviet Civil Litigation], Yaroslavl', 1979, pp. 98–100.

Kurochkin S. A. Arbitrabel'nost' i podvedomstvennost': voprosy teorii [Arbitrability and Jurisdiction: Theoretical Issues], *Treteiskii sud*, 2015, no. 1, pp. 32–44.

Kurochkin S. A. *Kompetentsiya mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha* [Arbitration Competence], Lunaeva T. A. (ed.) *Mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh* [International Commercial Arbitration], Moscow, Statut, 2018.

Kutafin O. E., Sheremet K. F. *Kompetentsiya mestnykh sovetov* [Local Councils' Competence], Moscow, Yurid. lit., 1986, 224 p.

Lebedev M. Yu. *Razvitie instituta yurisdiktsii i ego proyavlenie v treteiskom sude* [Development of the Institute of Jurisdiction and its Phenomenon in Arbitration]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Saratov, Saratov. gos. akad. prava, 2005, 218 p.

Mal'ko A. V., Nyrkov V. V., Shundikov K. V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], Moscow, Norma, 2022, 432 p.

Mitskevich A. V. *Sub"ekty sovetskogo prava* [Subjects of Soviet Law], Moscow, Gosyurizdat, 1962, 213 p.

Nikolyukin S. V. *Arbitrazhnye soglasheniya i kompetentsiya mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha: nekotorye problemy teorii i praktiki* [Arbitration Agreements and Competence of International Arbitration: Some Issues of Theory and Practice]: doct. jur. sc. thesis, Moscow, 11-i FORMAT, 2007, 27 p.

Obamuroh T. Jurisdiction and Admissibility: A Case Study, *Arbitration International*, 2020, vol. 36, no. 3, pp. 373–413.

Osipov Yu. K. *Podvedomstvennost' yuridicheskikh del* [Jurisdiction of Legal Cases], Sverdlovsk, Sverdlov. yurid. in-t, 1973, 124 p.

Osipov Yu. K. Pravovye normy, reguliruyushchie podvedomstvennost' yuridicheskikh del, v sisteme sovetskogo zakonodatel'stva [Legal Norms on Jurisdiction in Soviet Law System], *Pravovedenie*, 1974, no. 5, pp. 28–34.

Paulsson J. Jurisdiction and Admissibility, *Global Reflections on International Law, Commerce and Dispute Resolution*, 2005, vol. 693, pp. 601–617.

Rachkov I. V. Resheniya mezhdunarodnykh investitsionnykh arbitrazhei o kompetentsii (yurisdiktsii) i priemlemosti iskov: obzor naibolee primechatel'nykh del za 2016 god [International Investment Arbitration Awards on Jurisdiction and Admissibility: Review for the 2016], *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2018, no. 3, pp. 111–132.

Rozhkova M. A. K voprosu o sodержanii ponyatii «kompetentnyi sud» i «podvedomstvennost' dela» [Content of the Definitions «Competent Court» and «Jurisdiction»], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2006, no. 1, pp. 19–29.

Saburov E. A. Treteiskoe razbiratel'stvo kak sposob razresheniya pravovogo konflikta [Arbitration as a Method of Resolving a Legal Conflict], *Yuridicheskaya nauka*, 2020, no. 2, pp. 3–9.

Sevast'yanov G. V. *Pravovaya priroda arbitrazha i kompetentsiya treteiskogo suda v sfere nedvizhimosti* [Legal Nature of Arbitration and Arbitration Competence in Real Estate]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, In-t gos-va i prava RAN, 2009, 240 p.

Sidorova T. Yu., Zdanovich D. V. Kompetentsiya mezhdunarodnykh arbitrazhnykh uchrezhdenii: voprosy sootnosheniya mezhdunarodnogo i natsional'nogo prava [Competence of International Arbitration: Correlation of International and National Law], *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, 2021, no. 4, pp. 142–147.

Skvortsov O. Yu. *Treteiskoe razbiratel'stvo predprinimatel'skikh sporov v Rossii: Problemy, tendentsii, perspektivy* [Arbitration of Economic Disputes in Russia: Problems and Way Forward]: doct. jur. sc. thesis, Saint Petersburg, Sankt-Peterburg. gos. un-t, 2004, 775 p.

Tikhomirov Yu. A. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative Law and Process], Moscow, Izd-vo K. I. Tikhomirova, 2006, 697 p.

Vas'kovskii E. V. *Kurs grazhdanskogo protsessa: Sub"ekty i ob"ekty protsessa, protsessual'nye otnosheniya i deistviya* [Course of Civil Procedure: Subjects and Objects, Procedural Relations and Actions], Moscow, Statut, 2016, 624 p.

Volozhanin V. P. *Osnovnye problemy zashchity grazhdanskikh prav v nesudebnom poryadke* [The Main Problems of Civil Rights Protection out of Court]: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis, Sverdlovsk, Sverdlov. yurid. in-t, 1975, 34 p.

Zhilin G. A. *Pravosudie po grazhdanskim delam: aktual'nye voprosy* [Justice in Civil Cases: Current Issues], Moscow, Statut, 2014, 576 p.

Zykov R. O. *Mezhdunarodnyi arbitrazh v Shvetsii: pravo i praktika* [International Arbitration in Sweden: Law and Practice], Moscow, Statut, 2014, 285 p.

Vladislav Tuktamyshev – assistant of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: tuktamyshev.vd@bk.ru.

ORCID: 0000-0001-8502-7584

Дата поступления в редакцию / Received: 02.11.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 29.11.2022